

А. Ф. ЛОСЕВ – ОТ МИФА К РЕАЛЬНОСТИ

Борис Ихлов

«Диалектику мифа» А. Ф. Лосев предваряет следующим замечанием:

«Настоящее небольшое исследование имеет своим предметом одну из самых темных областей человеческого сознания, которой раньше занимались главным образом богословы или этнографы. Те и другие достаточно оскандалились, чтобы теперь могла идти речь о вскрытии существа мифа богословскими или этнографическими методами. И не в том беда, что богословы-мистики и этнографы-эмпирики (большую частью богословы весьма плохие мистики, пытаясь заигрывать с наукой и мечтая стать полными позитивистами, а этнографы - увы! - часто очень плохие эмпирики, находясь в цепях той или другой произвольной и бессознательной метафизической теории)... Надо вырвать учение о мифе и из сферы ведения богословов...»

Далее в тексте находим: «В повествовании Библии о семи днях творения нет ровно никакой ни астрономии, ни геологии, ни биологии, ни вообще науки.»

Будто бы, всё хорошо? Но...

«Разумеется, мифология есть выдумка, если применить к ней точку зрения науки, да и то не всякой, но лишь той, которая характерна для узкого круга ученых новоевропейской истории последних двух-трех столетий.»
То есть, научная точка зрения на миф Лосевым отбрасывается напрочь. Стоит ли дальше читать?

«... мы условились рассматривать миф не с точки зрения какого-нибудь научного, религиозного, художественного, общественного и пр. мировоззрения, но исключительно лишь с точки зрения самого же мифа, глазами самого мифа, мифическими глазами.»

То есть. Если мы условимся глядеть на сумасшедшего глазами самого сумасшедшего... Условимся, что мы не будем искать бога в каких-то проявлениях, ждать каких-то доказательств и т.п., в качестве неременного условия мы сначала должны в него поверить...

«Когда грек, - продолжает Лосев, - не в эпоху скептицизма и упадка религии, а в эпоху расцвета религии и мифа говорил о своих многочисленных Зевсах или Аполлонах; когда некоторые племена имеют обычай надевать на себя ожерелье из зубов крокодила для избежания опасности утонуть при переплытии больших рек; когда религиозный фанатизм доходит до самоистязания и даже до самосожжения; - то весьма невежественно было бы утверждать, что действующие тут мифические возбудители есть не больше, как только выдумка, чистый вымысел для данных мифических субъектов. Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но - наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это - совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола.»

Но ведь здесь нет ничего нового. Вдобавок мы уличаем Лосева в полной безграмотности. Еще Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1857 г.» писал, что газетные фетиши не менее материальны, чем табурет или стол. Они довлеют над сознанием индивида, не зависят от него и вполне даны в ощущениях. Следовательно, подпадают под определение материи, данное Лениным.

Но. Лосев здесь не делает разницы между материальностью мифа и материальностью реальности, между общественным сознанием и общественным бытием. Лосев желает разорвать связь между ними, желает скрыть подчиненность общественного сознания общественному бытию. Что абсолютно подтверждается ниже фразой самого Лосева: «Нас интересует миф, а не та или иная эпоха в развитии научного сознания.» И далее: «.. смысл вещи не есть сама вещь; он - абстрактное понятие вещи, отвлеченная идея вещи, мысленная значимость вещи...» То есть: смысл вещи не вытекает из самой вещи, не связан с ней.

Если сознание пронизанных буржуазными отношениями управляемо сверху, и потому Европа и Америка верят, что малазийский Боинг сбили ополченцы Новороссии при помощи Москвы, это вовсе не значит, что так оно и было! Реальность такова, что Боинг был сбит карателями ВСУ.

То есть - Лосев здесь мошенничает, мухлюет. Причем этот подход, это мошенничество для него - стандарт, и в «Истории античной философии», и в книжке «Вл. Соловьев». Стало быть, сначала он потрафил властям, сообщил, что хочет исследовать миф сам по себе, якобы из присущего науке

объективизма, и тем самым вырвать его из объятий богословия, но тут же! – объявляет научный подход ненаучным. Это надо уметь. Читаем:

«Заметим, что для науки XVII-XIX столетий ее собственные категории отнюдь не в такой мере реальны, как реальны для мифического сознания его собственные категории. Так, например, Кант объективность науки связал с субъективностью пространства, времени и всех категорий. И даже больше того. Как раз на этом субъективизме он и пытается обосновать "реализм" науки. Конечно, эта попытка - вздорная. Но пример Канта прекрасно показывает, как мало европейская наука дорожила реальностью и объективностью своих категорий. Некоторые представители науки даже любили и любят щеголять таким рассуждением: я вам даю учение о жидкостях, а существуют эти последние или нет - это не мое дело; или: я доказал вот эту теорему, а соответствует ли ей что-нибудь реальное, или она есть порождение моего субъекта или мозга - это меня не касается. Совершенно противоположна этому точка зрения мифического сознания.»

И тут Лосев не нов, он повторяет энгельсову критику иных ученых, данную в «Диалектике природы». Причем это худшие страницы работы Энгельса, не пожелавшего отделить мух от котлет, религиозность Ньютона от механики Гука-Ньютона.

Лосев пытается наполнить общую форму «европейская наука» единичным содержанием «некоторые представители». Он выступает здесь как обскурант и мракобес, отрицающий науку.

Ниже мы прочитаем: «Мы сказали, что содержание любого "закона природы" есть нечто, совершенно ничего не говорящее об объектах.»

Именно этнографы имеют дело с конкретными мифами, мифами, как таковыми. Но именно материал этнографов Лосев сознательно отвергает, приклеивая этнографам ярлычок «плохие», «в цепях метафизики».

Однако где Лосев выкопал у Канта, что он на «субъективизме» пространства, времени и всех категорий пытался обосновать реализм науки?

Кант занимался гносеологическими исследованиями, подобно Аристотелю, исследовал аналитические и синтетические суждения. Причем термин «трансцендентальный» он применял в совсем другом смысле: «Я называю трансцендентальным... познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов...» (Нарский И. С. Иммануил Кант. М.: Мысль, 1976, С. 29-30) О каком реализме науки говорит Лосев, если Кант – агностик, полагавший, что его антиномии не разрешимы опытным путем (там же, С. 108).

Далее Лосев утверждает:

«Миф - необходимейшая - прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая - категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это - подлинная и максимально конкретная реальность.»

Здесь Лосев опять же повторяет ветхозаветных реалистов, для которых идеи – реальны. Чтобы спрятать концы в воду, Лосев подмахивает словечко «трансцендентально», т.е. до опыта, независимо от опыта, сверх опыта, за пределы естественного; образовано от глагола *transcendo* — «переступаю», «перешагиваю». Ну, например, путем божественного откровения. Или медитации, озарения, экстрасенсорной экзальтации и т.п. Следовательно, рядовым гражданам – ничего, а вот избранным... Итак, для Лосева та антинаучная чушь, которая записана в Библии насчет происхождения мира, и есть реальность. И наука не имеет права ее опровергать, потому что не имеет к ней отношения. Вот так. Реальность, которая нас окружает, в которой мы живем, для Лосева что-то несущественное. Рядом с ней он воздвигает реальность-дублера, которая существует только в его голове или в головах экзальтированных верующих, например, что бог сначала создал Землю, потом свет, потом отделил свет от тьмы, всех живых создал в неизменном виде и одновременно. И вот эту липовую реальность Лосев выдает за главную.

В мифе о Гелиосе нет ровно никакой астрономии, - пишет Лосев. С одной стороны, он понятия не имеет, каким образом возникают анимизм, фетишизм, тотемизм. С другой стороны, по Лосеву оказывается, что миф о Гелиосе и наличие Солнца никак не связаны!

«Есть ли миф такое отвлеченно-идеальное бытие? – разъясняет читателю Лосев. - Конечно, не есть ни в каком смысле. Миф не есть произведение или предмет чистой мысли. Чистая, абстрактная мысль меньше всего участвует в создании мифа. Уже Вундт¹ хорошо показал, что в основе мифа лежит аффективный корень, так как он всегда есть выражение тех или других жизненных и насущных потребностей и стремлений. Чтобы создать миф, меньше всего надо употреблять интеллектуальные усилия. И опять-таки мы говорим не о теории мифа, а о

самом мифе как таковом. С точки зрения той или иной теории можно говорить о мыслительной работе субъекта, создающего миф, об отношении ее к другим психическим факторам мифообразования, даже о превалировании ее над другими факторами и т.д. Но, рассуждая имманентно, мифическое сознание есть меньше всего интеллектуальное и мыслительно-идеальное сознание. У Гомера (Od. XI, 145 слл.) изображается, как Одиссей спускается в Аид и оживляет на короткий срок обитающие там души кровью. Известен обычай побратимства через смешение крови из уколотых пальцев или обычай окропления кровью новорожденного младенца, а также употребление крови убитого вождя и пр. Спросим себя: неужели какое-то мыслительно-идеальное построение понятия крови заставляет этих представителей мифического сознания относиться к крови именно так? И неужели миф о действии крови есть только абстрактное построение того или другого понятия? Мы должны согласиться, что здесь ровно столько же мысли, сколько и в отношении, например, к красному цвету, который, как известно, способен приводить в бешенство многих животных. Когда какие-нибудь дикари раскрашивают покойника или намазывают свои лица перед битвой красной краской, то ясно, что не отвлеченная мысль о красном цвете действует здесь, но какое-то иное, гораздо более интенсивное, почти аффективное сознание, граничащее с магическими формами. Было бы совершенно ненаучно, если бы мы стали мифический образ Горгоны, с оскаленными зубами и дико выпученными глазами, - это воплощение самого ужаса и дикой, ослепительно-жестокой, холодно-мрачной одержимости - толковать как результат абстрактной работы мыслителей, вздумавших производить разделение идеального и реального, отбросить все реальное и сосредоточиться на анализе логических деталей бытия идеального. Несмотря на всю вздорность и полную фантастичность такого построения, оно постоянно имеет место в разных "научных" изложениях.»

Между прочим, то, что красный цвет раздражает быка – миф. Увы. Зато яркая раскраска некоторых насекомых дает сигнал: опасность! Ядовито! И восприятие этого сигнала – не «интенсивный аффект», а инстинкт, работа эволюции.

Хорошо, пусть бык сошел с ума и реагирует на красный цвет. С чего бы? Любой ученый стал бы искать причины. Для Лосева же дело ясно: магия. Зачем мучиться, размышлять, проводить эксперименты, узнавать, каковы причины обычая окроплять кровью младенца или смешивать кровь из уколотых пальцев, откуда взялся образ Горгоны, когда всё можно свалить на нечто трансцендентальное, на чудо. Воплощение самого ужаса, и все дела. Будто ужас где-то бегает самостоятельно и порой воплощается. Дать такому «философу» в лапы стеклянные бусы или транзисторный приемник, так ведь заорет на весь свет: «Миф! Миф! Чудо! Чудо!»

Итак, у Лосева мысль есть нечто слабо интенсивное, вялое. Что ж, каждый судит по себе. Мы увидим ниже, что это действительно так! Причем под мыслью Лосев понимает не просто что-то холодно-рационально-логическое, но отбрасывание всего реального. Будто логика – только в голове, но не в природе, будто логика в голове не есть отражение логики природы! Лосев также лишает человека способности мыслить интуитивно, хотя сам Нильс Бор утверждал, что физика – больше интуитивная, чем рациональная наука. А ведь именно интуитивное мышление ответственно за миф белого квадрата у древних китайцев. Никакого предмета нет, потому китайцы воображали в нем всё самое ужасное, что могли себе представить, и от страха падали перед белым квадратом на колени.

Но дело хуже. Для Лосева и Одиссей, и Аид, и Деметра с Гестом или Афиной-Палладой – вовсе не выдумки, а реальности!

Однако ж нельзя ли поконкретнее насчет мифа? Можно!

«Я же категорически утверждаю, что тот, кто ест мясо, имеет совершенно особое мироощущение и мировоззрение, резко отличное от тех, кто его не ест. И об этом я мог бы высказать очень подробные и очень точные суждения. И дело не в химии мяса, которая, при известных условиях, может быть одинаковой с химией растительных веществ, а именно в мифе.»

Это уже, знаете ли, что-то совершенно трансцендентальное. То ли смеяться, то ли плакать. Я бы уточнил: имеют совершенно особое мироощущение те, кто ест мало. В сравнении с теми, кто обжирается черной икрой. Это мироощущение называется классовым сознанием и формулируется следующий образом:

«Сытый голодного не разумеет...» И дело вовсе не в химии мяса! А в его наличии или отсутствии.

Понятно, что для Лосева и революции – просто состояние аффекта, не более.

Буквально по Оруэллу (точнее, по Замятину, ибо Оруэлл скрал у Замятина «Мы»): мир – это война!

Миф – это реальность!

Но разве материалисты отрицают влияние мяса? Нет же, именно «химия» мяса и влияет на мировоззрение. Любая пища действует на генотип, а генотип связан с фенотипом и далее – с психикой человека. Уже десятилетия ученые исследуют связи между интеллектом и генетикой. Правда, это вовсе не означает, что 1) «неполноценных» - в печь, 2) что, если вследствие питания мясом у кого-нибудь

изменится мировоззрение, то электрон перестанет вращаться вокруг ядра атома, Луна – вокруг Земли, Земля – вокруг Солнца. Эти три факта абсолютно не зависят от сознания гражданина А. Ф. Лосева, поэта Ивана Жданова или президента Дональда Трампа.

Отметим также, что, увы, в наши дни белая горячка стала системой. Как раз для белогорячечников их галлюцинации являются «наивысшей по своей конкретности, максимально интенсивной и в величайшей мере напряженной реальностью».

Вот еще шедевр:

«Также мне кажется, что надеть розовый галстук или начать танцевать для иного значило бы переменить мировоззрение, которое, как это мы еще увидим в дальнейшем, всегда содержит мифологические черты. Костюм - великое дело.»

Окуджава сомневается в такой реальности – простите, в такой мифичности! – «Всё представляется ему, как только я пиджак примерю, опять в твою любовь поверю. Как бы не так, такой чудак...» Отец акционирования Николай Травкин смеется: «Если рабочему надеть галстук... - опять извините – дать в зубы акцию, он что, причесываться будет по-другому?»

«Гроб с покойничком летает над крестами...» Понятно, что мифологическое сознание довлеет над беднягой, страх его – вполне реален, и он обусловлен вполне материальными общественными отношениями, но нет никакого гроба, инсценировку ему устроили «неуловимые мстители».

Лосев упорствует:

«Мне рассказали однажды печальную историю об одном иеромонахе *** монастыря. Одна женщина пришла к нему с искренним намерением исповедоваться. Исповедь была самая настоящая, удовлетворившая обе стороны. В дальнейшем исповедь повторялась. В конце концов исповедальные разговоры перешли в любовные свиданья, потому что духовник и духовная дочь почувствовали друг к другу любовные переживания. После долгих колебаний и мучений оба решили вступить в брак. Однако одно обстоятельство оказалось роковым. Иеромонах, расстригшись, одевши светский костюм и обривши бороду, явился однажды к своей будущей жене с сообщением о своем окончательном выходе из монастыря. Та встретила его вдруг почему-то весьма холодно и нерадостно, несмотря на долгое страстное ожидание. На соответствующие вопросы она долго не могла ничего ответить, но в дальнейшем ответ выяснился в ужасающей для нее самой форме: "Ты мне не нужен в светском виде". Никакие увещания не могли помочь, и несчастный иеромонах повесился у ворот своего монастыря. После этого только ненормальный человек может считать, что наш костюм не мифичен и есть только какое-то отвлеченное, идеальное понятие, которое безразлично к тому, осуществляется оно или нет и как осуществляется.»

Видимо, Лосев никогда не листал медицинский справочник по сексуальным отклонениям. Видимо, у пресыщенной барышни только ряса да молитва во время согрешения могли вызвать оргазм. В. Пикуль рассказывает: светская дива после соития с Распутиным откровенничает с подружкой, что де в сочетании с проповедью целомудрия... Да еще с обличением греха прелюбодейства... Очень, очень...

Ну, скажите по совести, что тут может быть, кроме сексопатологии? Как могут люди любить друг друга, и эта любовь тут же пропадает, едва мужчина побрился и сменил костюм??

В кинокомедии «Веселые ребята» дитя Торгсина Елена и ее мамаша Тяпкина, вызвав, что приняли пастуха Костю Потехина за великого дирижера Фраскини, тут же перестают его любить и выпроваживают. «Что же случилось?» – удивляется Костя. «Мы думали, что Вы дирижер, а Вы простой пастух!» «Но ведь я сегодня пастух, а завтра – музыкант!» - пытается возражать Костя. – «Вот завтра и приходите!» Чем не духовные дочери? Миф, скажет Лосев. Классовое сознание, скажем мы.

Лосев отказывает даже малейшему намеку на науку в связи с мифом. Если иные неадекватные люди отождествляют миф и первобытную науку, Лосев ожесточенно набрасывается на такие утверждения. Отчасти, справедливо. Но дальше? «Миф всегда чрезвычайно практичен, насущен, всегда эмоционален, аффективен, жизненен», - утверждает Лосев.

Практичен – это что? Совсем по Бушкову: успел такой-то князь проклясть соперника – одержал победу. Не успел, а соперник его проклял – потерпел поражение...

«В хаосе и неразберихе эмпирически спутанных, текучих вещей надо уловить идеально-числовую, математическую закономерность, которая хотя и управляет этим хаосом, но сама-то не есть хаос, а идеальный, логический строй и порядок (иначе уже первое прикосновение к эмпирическому хаосу было бы равносильно созданию науки математического естествознания). ... наука всегда превращает жизнь в

формулу, давая вместо живых личностей их отвлеченные схемы и формулы...» - таково мировоззрение Лосева. Чего еще ждать от филолога, который не знает, не понимает, что такое наука. Наука о хаосе едва появляется, но это не извиняет Лосева. Наука и жизнь у него – две противоположности. Но... неужели научное открытие лишено жизненности? Отчего миф оказывается большей жизнью, чем электрическая лампочка, большая интегральная схема, геновая инженерия или взрыв сверхновой? Может, это не наука, а Лосев оторван от жизни?

«... я категорически протестую, - пишет он, - против второго лженаучного предрассудка, заставляющего утверждать, что мифология предшествует науке, что наука появляется из мифа, что некоторым историческим эпохам, в особенности современной нам, совершенно не свойственно мифическое сознание, что наука побеждает миф. ... Также трудно спорить и о том, что мифология дает для науки тот первоначальный материал, над которым она будет в дальнейшем производить свои абстракции и из которого она должна выводить свои закономерности. Но если указанное утверждение имеет тот смысл, что сначала существует мифология, а потом наука, то оно требует полного отвержения и критики.»

Тем не менее, наука весьма живо переплетена с мифом: это и система Птолемея, и теплород, и флогистон, и эфир. Мифы о теплороде и т.д. хоть и внесли вклад в науку, но были наукой побеждены.

Однако Лосев тут же начинает возражать самому себе: миф так предшествует науке, определяет ее! «... если брать реальную науку, т.е. науку, реально творимую живыми людьми в определенную историческую эпоху, то такая наука решительно всегда не только сопровождается мифологией, но и реально питается ею, почерпая из нее свои исходные интуиции».

И... как же?

«Декарт - основатель новоевропейского рационализма и механизма, а стало быть, и позитивизма. Не жалкая салонная болтовня материалистов XVIII века, а, конечно, Декарт есть подлинный основатель философского позитивизма. И вот оказывается, что под этим позитивизмом лежит своя определенная мифология. Декарт начинает свою философию с всеобщего сомнения. Даже относительно Бога он сомневается, не является ли и Он также обманщиком. И где же он находит опору для своей философии, свое уже несомненное основание? Он находит его в "я", в субъекте, в мышлении, в сознании, в "ego", в "cogito"ix. Почему это так? Почему вещи менее реальны? Почему менее реален Бог, о котором Декарт сам говорит, что это яснейшая и очевиднейшая, простейшая идея? Почему не что-нибудь еще иное? Только потому, что таково его собственное бессознательное вероучение, такова его собственная мифология, такова вообще индивидуалистическая и субъективистическая мифология, лежащая в основе новоевропейской культуры и философии. Декарт - мифолог, несмотря на весь свой рационализм, механизм и позитивизм. Больше того, эти последние его черты только и объяснимы его мифологией; они только и питаются ею».

У Декарта вовсе не индивидуалистическая субъективистическая мифология, картезианское сомнение имеет то основание, что доказывается многочисленными актами обмана органов чувств. Декарт вполне материалистически указывает на субъективность восприятия.

Да, механицист (но не позитивист), для Декарта, как и для Локка, Гельвеция, Гольбаха, Дидро, человек – машина. Однако величие Декарта – в конструировании «мифа», на века определившего развитие науки - в абстрагировании времени и пространства до создания связывающей их системы координат, в 1637 году, в книге «Геометрия». Абстрагирование дало жизнь механике, но выхолостило природу времени настолько, что время оказалось обратимо. Это помогло Дираку, был открыт позитрон, но в общей теории относительности появились временные петли с нарушением причинности. Но... стало быть, ученые Гольбах, Лейбниц, писатель Дидро, Гельвеций, Гассенди, Локк, и прочие, которые пробивали науке заслон религии, которым благодарно всё человечество, у Лосева – материалисты с жалкой салонной болтовней.

Но если начать перечислять далее – по Лосеву выходит, будто Грегор Мендель открыл генетику, а Дарвин - теорию эволюции потому, что один был монахом, а второй – изначально верующим. Между тем обе науки в сочетании окончательно опровергают религию. Только наивному может прийти в голову, что в основании атомной бомбы лежит религиозность Ричарда Фейнмана.

«Логически идея, конечно, раньше материи, потому что сначала вы имеете идею, а потом осуществляете ее на том или другом материале. Смысл предшествует явлению. Из этой совершенно примитивной и совершенно правильной установки...»

Из того факта, что для конструирования чего-либо архитектор сначала рисует план из головы. Вовсе не следует общее, что идея – раньше материи. Не было бы материи в виде атомов и молекул – не было бы и головы архитектора. Но ведь и в голове архитектора план возникает не на пустом месте, а после длительного практического опыта. Лосев тут повторяет зады философии Локка, его критики платоновской теории врожденных идей.

Явление – сущностно, сущность – является. Сущность – первична. Лосев еще и подтасовку совершает: явление, т.е. форму материи, ставит на место материи, на место сущности - ставит смысл, который у каждого свой.

Что, собственно, хочет сказать своей книгой Лосев? Что Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин – неправы? Да ведь он даже и близко не подошел к критике классиков. Весь его текст не имеет практического применения в жизни, он бесплоден, потому невообразимо скучен.

«Итак, под теми философскими конструкциями, - вещает Лосев - которые в новой философии призваны были осознать научный опыт, кроется вполне определенная мифология. Не менее того мифологична и наука, не только "первобытная", но и всякая. Механика Ньютона построена на гипотезе однородного и бесконечного пространства. Мир не имеет границ, т.е. не имеет формы. Для меня это значит, что он - бесформен. Мир – абсолютно однородное пространство. Для меня это значит, что он - абсолютно плоскостен, невыразителен, нерельефен. Неимоверной скукой веет от такого мира. Прибавьте к этому абсолютную темноту и нечеловеческий холод междупланетных пространств. Что это как не черная дыра, даже не могила и даже не баня с пауками, потому что и то и другое все-таки интереснее и теплее и все-таки говорит о чем-то человеческом. Ясно, что это не вывод науки, а мифология, которую наука взяла как вероучение и догмат. Не только гимназисты, но и все почтенные ученые не замечают, что мир их физики и астрономии есть довольно-таки скучное, порою отвратительное, порою же просто безумное марево, та самая дыра, которую ведь тоже можно любить и почитать. Дыромоляи, говорят, еще и сейчас не перевелись в глухой Сибирихii. А я, по грехам своим, никак не могу взять в толк: как это земля может двигаться? Учебники читал, когда-то хотел сам быть астрономом, даже женился на астрономке. Но вот до сих пор никак не могу себя убедить, что земля движется и что неба никакого нет. Какие-то там маятники да отклонения чего-то куда-то, какие-то параллаксы... Неубедительно. Просто жидковато как-то. Тут вопрос о целой земле идет, а вы какие-то маятники качаете. А главное, все это как-то неуютно, все это какое-то неродное, злое, жестокое. То я был на земле, под родным небом, слушал о вселенной, "яже не подвигнется"xiii... А то вдруг ничего нет, ни земли, ни неба, ни "яже не подвигнется". Куда-то выгнали в шею, в какую-то пустоту, да еще и матерщину вслед пустили. "Вот-де твоя родина, - наплевать и размазать!" Читая учебник астрономии, чувствую, что кто-то палкой выгоняет меня из собственного дома и еще готов плюнуть в физиономию. А за что?xiv

Итак, механика Ньютона основана на мифологии нигилизма. Этому вполне соответствует специфически новоевропейское учение о бесконечном прогрессе общества и культуры.»

Видимо, Лосев не в курсе, что в физике используют – модели. Которые не есть миф, а разумное ограничение, частью отражающее реальность. Например, Джордано Бруно отвергал абсолютное пространство-время. Но если б Ньютон не остановил рассуждения, не ограничил бы реальность – он никогда не получил бы механику мира.

Но как же это университетский филолог представил Вселенную скучной абсолютной темнотой? Только в нашей галактике, Млечном пути, 100 млрд. звезд, а только орбитальный телескоп Hubble смог увидеть 125 млрд. галактик. По оценкам же всего звезд – триллион триллионов.

Он что, на небо никогда не глядел? Ах, да, зачем ему. Зачем ему вообще внешний мир.

Кстати, когда Лосев писал свою «Диалектику мифа» тогда, когда советский ученый Фридман уже доказал Эйнштейну, что для того, чтобы из его уравнение получить расширение Вселенной, не нужно вводить космологическую постоянную. И разве мог Лосев с его не интенсивной мыслью вообразить, что однородность Вселенной – замечательнейший и ранее таинственный факт. И не «баня с тараканами», не абсолютный ноль, а 2,7 градусов по Кельвину, температура реликтова излучения. Сверх того, Вселенная заполнена физическим вакуумом, обладающим любопытнейшими свойствами,

например, упругостью. А Земля не просто движется вокруг Солнца, она еще и вертится, церковь отрицала этот непреложный факт и заставила Галилея от него отречься.

Если б Лосев был способен знать и представить себе, что во время написания им книги уже и черные дыры были вычислены, Шварцшильдом в 1915 году, вот уж в них точно ничего человеческого нет и быть не может, свет не может вырваться от черной дыры, и человек, и банный таракан при сближении с ней вытягиваются приливными силами в волос толщиной в атом. И если Лосеву при чтении интереснейшего учебника астрономии чудится, что его выгоняют из дома и плюют в физиономию, стоит обратиться к психиатру. И это вовсе не фигура речи, мы увидим! Читаем.

«Итак: наука не рождается из мифа, но наука не существует без мифа, наука всегда мифологична.

3. Наука никогда не может разрушить мифа

Однако тут надо устранить два недоразумения. - Во-первых, наука, говорим мы, всегда мифологична. Это не значит, что наука и мифология - тождественны. Я уже опровергал это положение. Если ученые-мифологи и хотят свести мифологию на науку (первобытную), то я ни в каком случае не сведу науку на мифологию. Но что такое та наука, которая воистину немифологична? Это - совершенно отвлеченная наука как система логических и числовых закономерностей. Это - наука-в-себе, наука сама по себе, чистая наука. Как такая она никогда не существует. Существующая реально наука всегда так или иначе мифологична. Чистая отвлеченная наука - не мифологична. Немифологична механика Ньютона, взятая в чистом виде. Но реальное оперирование с механикой Ньютона привело к тому, что идея однородного пространства, лежащая в ее основе, оказалась единственно значимой идеей. А это есть вероучение и мифология. Геометрия Евклида сама по себе не мифологична. Но убеждение в том, что реально не существует ровно никаких других пространств, кроме пространства евклидовой геометрии, есть уже мифология, ибо положения этой геометрии ничего не говорят о реальном пространстве и о формах других возможных пространств, но только об одном определенном пространстве; и неизвестно, одно ли оно, соответствует ли оно или не соответствует всякому опыту и т.д. Наука сама по себе не мифологична. Но, повторяю, это - отвлеченная, никуда не применяемая наука. Как же только мы заговорили о реальной науке, т.е. о такой, которая характерна для той или другой конкретной исторической эпохи, то мы имеем дело уже с применением чистой, отвлеченной науки; и вот тут-то мы можем действовать и так и иначе. И управляет нами здесь исключительно мифология. - Итак, всякая реальная наука мифологична, но наука сама по себе не имеет никакого отношения к мифологии.

Во-вторых, мне могут возразить: как же наука может быть мифологичной и как современная наука может основываться на мифологии, когда целью и мечтой всякой науки почти всегда было ниспровержение мифологии? На это я должен ответить так. Когда "наука" разрушает "миф", то это значит только то, что одна мифология борется с другой мифологией. Раньше верили в оборотничество, вернее - имели опыт оборотничества. Пришла "наука" и "разрушила" эту веру в оборотничество. Но как она ее разрушила? Она разрушила ее при помощи механистического мировоззрения и учения об однородном пространстве. Действительно, наша физика и механика не имеет таких категорий, которые могли бы объяснить оборотничество. Наша физика и механика оперирует с другим миром; и это есть мир однородного пространства, в котором находятся механизмы, механически же движущиеся. Поставивши вместо оборотничества такой механизм, "наука" с торжеством отпраздновала свою победу над оборотничеством. Но вот теперь воскресает новое, вернее очень старое, античное учение о пространстве. Оказалось возможным мыслить, как одно и то же тело, меняя место и движение, меняет также и свою форму и как (при условии движения со скоростью света) объем такого тела оказывается равным нулю, по известной формуле Лоренца, связывающей скорость и объем. Другими словами, механика Ньютона не хотела ничего говорить об оборотничестве и хотела убить его, почему и выдумала такие формулы, в которые оно не вмещается. Сами по себе, отвлеченно говоря, эти формулы безупречны, и в них нет никакой мифологии. Но ученые отнюдь не пользуются только тем одним, что в этих формулах содержится. Они пользуются ими так, что не остается ровно никакого места для прочих форм пространства и соответствующих математических формул. В этом и заключается мифологизм европейского естествознания, - в исповедании одного излюбленного пространства; и от этого и казалось ему всегда, что оно "опровергло" оборотничество. Принцип относительности, говоря о неоднородных пространствах и строя формулы относительно перехода от одного пространства к другому, снова делает мыслимым оборотничество и вообще чудо, а отказать в научности по крайней мере математической стороны этой теории может только неосведомленность в предмете и невежество в науке вообще.

Итак, механика и физика новой Европы боролась с старой мифологией, но только средствами своей собственной мифологии; "наука" не опровергла миф, а просто только новый миф задавил старую мифологию, и - больше ничего. Чистая же наука тут ровно ни при чем. Она применима к любой мифологии, - конечно, как более или менее частный принцип. Если бы действительно наука опровергла мифы, связанные с оборотничеством, то была бы невозможна вполне научная теория относительности. И мы сейчас видим, как отнюдь не научные страсти разгораются вокруг теории относительности. Это - вековой спор двух мифологий. И недаром на последнем съезде физиков в Москве пришли к выводу, что выбор между Эйнштейном и Ньютоном есть вопрос веры, а не научного знания самого по себе. Одним хочется распылить вселенную в холодное и черное чудовище, в необъятное и неизмеримое ничто; другим же хочется собрать вселенную в некий конечный и выразительный лик

с рельефными складками и чертами, с живыми и умными энергиями (хотя чаще всего ни те, ни другие совсем не понимают и не осознают своих интимных интуиций, заставляющих их рассуждать так, а не иначе).

Оборотничество - чудесная способность некоторых существ менять облик, превращаться в другое существо или предмет. Лосев верит в оборотней, барабашек, вурдалаков, привидения, злыдней, домовых, леших, он живет в мире сказок. Опыт? Да, большой опыт: каждый третий по пятницам превращается в волка, каждая пятая – в русалку, красивая, умная баба – в лягушку, царевич – в комара, людоед превращается во льва или мышку, а старые чернильницы, лапти, соломинки и пузыри умеют разговаривать. Ну, разве не клинический случай?

Впрочем, если регулярно смотреть «Военную тайну» или «Специальный проект» Игоря Прокопенко, а также «Тайны мира» с Анной Чапман, вполне можно впасть. В США в школах на полном серьезе изучают, как бороться с зомби, восставшими из могил, учительницу, которая посмела сообщить детям, что Санта Клауса в природе не существует – уволили, и тому подобное.

Сравните, как формулировал отношение между наукой и фантазией Ленин:

«Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность превращения (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию (in letzter Instanz** = бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее („стол“ вообще) есть известный кусочек фантазии. (Vice versa: нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке: ср. Писарев о мечте полезной, как толчке к работе, и о мечтательности пустой¹⁶⁹.)» (Философские тетради. Конспект книги Аристотеля «Метафизика», ПСС, изд. 5, Т. 29, С. 330)

Касательно невежества в науке. Принцип относительности вовсе не говорит о неоднородности пространства. И нет в нем перехода от одного пространства к другому, если преобразования Лоренца, служащие переходу от одной системы отсчета к другой. Объем, движущийся относительно Земли с околосветовой скоростью, действительно, заметно уменьшится. Но его содержимое останется прежним. И уменьшится он лишь в системе отсчета, связанной с Землей. В системе отсчета, связанной с самим объемом, ровным счетом ничего не изменится. Наоборот, в этой системе отсчета уменьшатся объемы, находящиеся на Земле. А принцип относительности формулируется следующим образом: все физические процессы в инерциальных системах отсчета протекают одинаково, независимо от того, неподвижна ли система или она находится в состоянии равномерного и прямолинейного движения. Только переход от системы к системе осуществляется не с помощью преобразований Галилея, а с помощью преобразований Лоренца-Пуанкаре. И научность «математической стороны», т.е. формул Лоренца-Пуанкаре, вытекает как раз не из абстрактной логики, а из экспериментального факта независимости скорости света от скорости движения источника света.

Скорее всего, Лосев имеет в виду V съезд русских физиков, проходивший в Москве в декабре 1926 года, именно там обсуждалась теория относительности. Но там не нашлось сумасшедшего, который бы заявил, что выбор между механикой Ньютона и механикой Эйнштейна – это вопрос веры! На съезде шла перепалка между учеными, которые не понимают теорию относительности, и теми, кто ее понимает. Это естественно – всякая новая теория приживается не сразу. Дальше были нападки с точки зрения марксизма-ленинизма – нападали те, кто плохо понимает марксизм-ленинизм.

Геометрия Евклида основывается на аксиоматике, которая не всегда применима. Но это вовсе не значит, что в реальности геометрия Евклида отсутствует. Не однородность пространства выводится из «оперирования» механикой Ньютона, наоборот, «однородность» пространства кладется в основу, это наглядно видно из теоремы Нётер: закон сохранения энергии следует из однородности времени, закон сохранения импульса – из изотропии пространства.

И нет никакого противоборства между двумя науками, Ньютона и Эйнштейна, ньютонова механика – предельный случай эйнштейновской, при малых скоростях и малых гравитирующих массах. Причем Лосев еще и перепутал: расширяется до бесконечности не только Вселенная в модели Де Ситтера (ньютоновское приближение), но и Вселенная во фридмановской модели. Или, наоборот, коллапсирует, в зависимости от плотности вещества во Вселенной. Там уж никаких «рельефных складок» или «интимных интуиций».

Причем разбегание галактик – вовсе не теория, а факт, открытый в 1913-1914 гг. американским астрономом Весто Слайфером. Он же открыл приближение к нашему Млечному пути туманности Андромеды. Столкновение неизбежно, после него явно ничего человеческого не останется.

В лучшем случае Лосев тотально не понимает соотношения между теоретической и экспериментальной физикой, того отношения, которое Ленин формулировал так: «Практика выше теории». Но это отношение вовсе не означает никчемность теоретической физики, Маркс диалектически связывал обе стороны познания: «Нет ничего практичнее хорошей теории.» Для Лосева же теоретическая физика представляется какой-то оторванной от жизни чепухой, лишь иногда, в случае «математической стороны», подтверждающей его вывихи.

«Дело физика, - читаем мы ниже, - показать, что между такими-то явлениями существует такая-то зависимость. А существует ли реально такая зависимость и даже само явление, будет ли или не будет существовать всегда и вечно эта зависимость, истинна ли она или не истинна в абсолютном смысле, - ничего этого физик как физик не может и не должен говорить.»

Хоть стой, хоть падай. Это ж... хуже клеветы. Да еще этот инвалид умственного труда абсолютную истину выдумал.

Еще шедевр:

«Вот я придумал то или другое улучшение в телефонном аппарате, ввел некоторые важные поправки в теорию движения планеты... - при чем тут абсолютное бытие? А миф всегда имеет упор в факты, существующие как именно факты. Их бытие - абсолютное бытие. Я вывел закон расширения газов от нагревания. Для каких надобностей я буду считать свой закон непререкаемой реальностью и неподвижной истиной? Он - только гипотеза, даже если бы все его признали и он просуществовал бы несколько веков. Конечно, вы можете верить в его "соответствие подлинной реальности". Но эта ваша вера ничего нового к самому "закону" не прибавит, и потому для него она не необходима. Гипотетизм науки не мешает ей строить мосты, дредноуты или летать на аэропланах.»

Факты – имеют абсолютное бытие? Здоров ли Лосев? Т.е. у Лосева есть факты, в которые упирается миф, и они абсолютны. А факт новой детали в телефоне – это так себе, чепуха. К любой работе физика Лосев приступает с угрожающим вопросом: «А причем тут абсолютное бытие?!» Однако ж насколько можно быть невежественным, чтобы закон Гей-Люссака обзывать «всего лишь гипотезой» и твердить, что «соответствие реальности» - всего лишь вера. Оказывается, вся работа науки «не мешает» ей строить мосты и т.д., будто бы эта работа – одно, а строительство – нечто совершенно другое!

Разумеется, для любой теории есть ограничения, в любой верной теории есть противоречия. Если б их не было, наука не развивалась бы. Потому в теории относительности есть т.н. временные петли. «раньше» и «после» меняются местами (что и обсуждалось на съезде в 1926 году). Однако наука вот только-только приступает к разрешению этого противоречия, связанного с нарушением причинности. Причем речь идет не только о стреле времени, но и о самой причинно-следственной структуре Вселенной. Если Энгельс указывал на последовательную во времени сменяемость причины и следствия. Ленин формулирует гораздо серьезнее: «Каузальная связь, понимаемая нами обычно, есть лишь часть всемирной связи».

Но чем так досадила Лосеву классическая механика? Что она ему плохого сделала? Как бы он не ставил перегородки между ней и практикой, именно она дала человечеству автомобиль, трамвай, поезд, пароход, самолет и даже космический корабль, не говоря уже о строительстве домов, мостов, конструировании тракторов, комбайнов и прочее. Но ведь для Лосева и уравнение Циолковского – не абсолютное бытие. Гипотеза всего лишь, не соответствует подлинной реальности.

Только вот человечество – другого мнения.

Наконец-то – пример? Не-ет...

«На островах Никобар бывает болезнь от ветров, против чего туземцы совершают обряд "танангла". Каждый год бывает эта болезнь, и каждый раз совершается этот обряд. Несмотря на всю его видимую бесполезность, ничто не может убедить этих туземцев не совершать его. Если бы тут действовало хотя бы минимальное "научное" сознание и "научный" опыт, они скоро бы поняли бесполезность этого обряда. Но ясно, что их мифология не имеет никакого "научного" значения и ни в какой мере не есть для них "наука". Поэтому она "научно" непроверяема.

Кроме "научного" значения, этот мифически-магический акт может иметь много других значений, которые и не снились Леви-Брюлю, приводящему этот акт в качестве примера бессмысленности мифологии. Например, этот обряд может даже и вовсе не иметь никаких утилитарно-медицинских целей. Быть может, и самый северо-

восточный муссон вовсе не рассматривается здесь как злое и вредящее начало. Можно представить себе, что туземцы переживают его как акт справедливого наказания или мудрого водительства со стороны божества и что они вовсе не хотят избежать этого наказания, а хотят принять его с достойным благоговением; и, быть может, обряд этот имеет как раз такое значение. Да и мало ли какое значение может иметь этот обряд, если стать на почву действительной мифологии? Исследователи вроде Леви-Брюля, для которых мифология всегда ужасно плохая вещь, а наука всегда ужасно хорошая вещь, никогда и не поймут ничего в обрядах, подобных "танангла". С их точки зрения можно сказать только то, что это очень плохая наука и беспомощное детское мышление, бессмысленное нагромождение идиотских манипуляций. Но это и значит, что Леви-Брюль и ему подобные исследователи ровно ничего не понимают в мифологии. "Танангла" и не претендовало на научность. Ведь дико и глупо было бы критиковать сонаты Бетховена за их "ненаучность". Записывая простой факт "танангла" и давая свою "научную" интерпретацию, эти ученые не только сами не дают существенного раскрытия мифа, но и препятствуют сделать это нам самим, ибо откуда я узнаю подлинное мифическое содержание и смысл "танангла", если ни сам его не видел, ни автор мне не вскрыл этого содержания, предложивши мне вместо этого "критику" обряда с своей, условной для меня, "научной" точки зрения? Итак, миф - вненаучен и не базируется ни на каком "научном" "опыте".

Говорят, что постоянство явлений природы должно было с самых ранних пор заставить толковать и объяснять эти явления и что мифы, поэтому, и есть эти попытки объяснения природной закономерности. Но это - чисто априорное представление, которое с одинаковым успехом может быть заменено противоположным. В самом деле, почему, собственно говоря, постоянство тут играет роль и именно такую роль? Раз явления протекают постоянно и неизменно (как смена дня и ночи или времен года), то чему же тут удивляться и что именно тут заставит придумать научно-объяснительный миф? Мифическое сознание скорее, пожалуй, задумается над какими-нибудь редкими, небывальными, эффектными и единичными явлениями, и скорее дает не их причинное объяснение, но какое-нибудь выразительное и картинное изображение. Постоянство законов природы, таким образом, и наблюдение над ними ровно ничего не говорит ни о сущности, ни о происхождении мифа. С другой стороны, в этом объяснении происхождения мифа как некоей первобытной науки опять-таки кроется условная гетерогенетическая точка зрения на предмет, а не вскрытие имманентно-существенного содержания мифа.»

Но если Лосев ничего не знает о происхождении мифа, как он может отвергать точку зрения Леви-Брюля? А вдруг тот прав?

Во-вторых, дурная общественно-историческая практика далеко не всегда приводит к истине. Англичане десятилетиями истребляли индусов, их погибло 90 млн, однако восстаний не было. Терпели. Хотя и зря. Леви-Брюль приводит еще пример: племя абипонов верит, что не оружие убило раненого, а злодейское искусство какого-то колдуна. И что? Лосев хочет верить, что вот такой миф или танангла есть что-то «трансцендентально необходимое», что-то очень хорошее? Не лучше ли научиться всё-таки лечить болезнь и оказывать раненому первую медицинскую помощь?

Лосев имплицитно пытается верить, что если бы аборигены обладали европейским образованием, они бы и тогда не перестали совершать свой обряд. А откуда он это знает?

Лосев здесь примитивно редуцирует традицию и культуру к мифу. Хотя ритуал может терять начальный смысл, большинство ритуалов не используется по своему прямому назначению. Невесту крадут не потому, что это «научно», а потому что тамаде нужно хоть чем-то занять выпивающих гостей.

И еще один пример приводит Леви-Брюль: один дикарь обзавелся фетишем, который должен был сделать его неуязвимым, рассказывает Т. Боудич. Он решил испытать его и получил пулю в руку, которая сломала ему кость. Колдун объяснил это обстоятельство к всеобщему удовлетворению, заявив, что оскорбленный фетиш только что открыл ему причину того, что произошло: этот молодой человек имел половые сношения со своей женой в запретный день. Раненый признался, что это правда, и его соплеменники только укрепились в своей вере (Первобытное мышление. М.: Атеист, 1930).

Что это, как не маразм. Маразм, призванный поддерживать власть. Лосев путает: не мифическое, а маразматическое мышление.

Посему говорить о Лосеве как о философе не приходится. Читать книгу далее нет нужды. В «Диалектике мифа», вышедшей в 1930 году, Лосев - духовный кастрат, безграмотный интеллектуальный импотент, неврастенический пустобрёх.

3.6.1929 Лосев вместе с женой тайно постригся в монахи от афонских старцев. Арестован вместе с женой в апреле 1930 г. и приговорён к 10 годам лишения свободы. Отбывал наказание на строительстве Беломорско-Балтийского канала. После заступничества Горького освобожден, в 1933-м. Видимо, практическая деятельность благотворно повлияла на мировоззрение Лосева, потому он в кои веки начал почитать Маркса и Ленина. По прочтению, как рассказывает Светлов, назвал работу Сталина «О

диалектическом и историческом материализме» наивной. То есть, в голове его окончательно посветлело. Нет сомнений - благодаря этому процессу мы имеем возможность читать его «Историю античной эстетики».

Конечно, и расстрел XVII съезда ВКПб, и московские процессы, и аресты и расстрелы по лимитам – страшное преступление. Но в данном случае...

16-17.2016, Пермь